РОМАН

СЕМЬ НОЧЕЙ *без оценки*

Одно правило: ничего не оценивать

18+

18+

АЛИНА ВЕРЕЙСКАЯ

Алина Верейская

Семь ночей без оценки

«Автор»
2026

Верейская А.

Семь ночей без оценки / А. Верейская — «Автор», 2026

Три года назад критик Олег Вернер одной фразой разрушил репутацию маленького приморского отеля. Теперь хозяйка «Этажа» Варвара предлагает ему сделку: семь ночей в номере 41 без права оценивать — ни отель, ни людей, ни её. Каждую ночь один придумывает для другого испытание. Олег считает это интеллектуальной игрой. Варвара молчит о том, что узнала его с первой минуты и что у недели есть тайный план.Правила хороши, пока в них не начинают жить. Что останется от эксперимента, когда в нём появится настоящее желание? Можно ли простить того, кто был неправ, — и можно ли доверять той, что лгала?Современный роман для взрослых о контроле, честности и близости. Чувственные сцены без натурализма, взрослые герои, один дом у холодного моря.

© Верейская А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Бронь без пожеланий 5
Глава 2. Гость сдаёт инструмент 12
Глава 3. Завтрак без слов 18
Глава 4. Час без вопросов 25
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Алина Верейская
Семь ночей без оценки

Глава 1. Бронь без пожеланий

Против слова «сон» Олег Вернер поставил единицу.

Анкета была заполнена синей ручкой, торопливо, с нажимом человека, который не сомневается, что его прочтут. Свет — четыре. Тишина — две. Сервис — три. Сон — один. На обратной стороне он добавил: «Ночью слышно, как за стеной кто-то живёт неправильно».

Варвара помнила эту фразу лучше, чем имена некоторых бывших постояльцев. Она лежала теперь под кассовым принтером, вложенная в прозрачный файл, и служила не напоминанием об обиде — так она сказала бы любому, — а учебным материалом. Для кого учебным, Неля спрашивать не решалась.

В двадцать один сорок семь в системе появилась новая бронь.

Олег Вернер. Семь ночей. Номер с одной кроватью. Пожеланий нет.

Варвара прочитала фамилию дважды, затем выдвинула нижний ящик стойки. Анкета оказалась в руке прежде, чем она решила, нужна ли ей сейчас. Та же фамилия. Тот же твёрдый, чуть наклонный почерк, если судить по подписи под бронью в старой книге регистрации. Она сличать подписи не стала. Хватило первого совпадения, а вторым стал его голос — год назад в коротком интервью он говорил, что путешествовать любит, а вот возвращаться нет.

За окном ветер толкнул дверь крыльца. Пружина не дала ей распахнуться, только коротко выдохнула тёплый воздух наружу.

— Не заказывай на завтра дополнительный хлеб, — сказала она Неле по внутреннему телефону.

— У нас три завтрака. Тихон будет счастлив, если закажем хотя бы на два.

— Четверо. На неделю.

Пауза на линии была короткой.

— Кто-то из своих?

— Пока не решила.

Неля не стала уточнять, что это значит. Она проработала с Варварой достаточно долго, чтобы распознавать интонацию, после которой расспросы превращались в собеседника для спора.

Варвара закрыла банковское письмо на экране. Там тоже всё было понятно без второго прочтения: отложенный платёж, проценты, дата. На столе лежала распечатка предложения «Северного берега». Покупатель обещал сохранить персонал, заменить окна и оставить ей кабинет на втором этаже. Не служебную комнату на четвёртом, а кабинет. С этим словом она связывала человека, которому не приходится ночью идти встречать гостя в старом свитере.

Две брони на выходные отменили за день. Одну — из-за штормового предупреждения, вторую — без объяснения. В ноябре люди вообще редко считали нужным объяснять, почему не хотят приезжать к морю.

Она посмотрела на часы. До приезда Вернера оставалось не меньше получаса, если он двигался с вокзала, и ни минуты, если он уже стоял на крыльце и смотрел на выцветшую бронзовую табличку.

Варвара достала из шкафа чистую гостевую анкету. Четыре строки, пять кружков напротив каждой. Её мать придумала эти карточки, когда слово «сервис» ещё писали в кавычках, а мнение гостя считали разговором, а не цифрой. Потом Варвара перестала выдавать анкеты на регистрации: людям было удобнее поставить оценку телефоном уже дома.

Она положила карточку поверх предложения «Северного берега» и подумала, что обе бумаги предлагают один и тот же товар. Возможность закончить историю.

Внизу хлопнула входная дверь.

Олег Вернер вошёл с небольшим чемоданом, в тёмном пальто, с намокшими на висках волосами. Седина на фотографиях выглядела нарочитой. В жизни она ему не шла так, как ей хотелось бы отметить про себя: аккуратно, без драматизма, будто человек просто давно не высыпался.

Он поставил чемодан на коврик и сначала вытер ноги. Это её почему-то задело сильнее, чем должно было.

— Добрый вечер, — сказал он. — Вернер. У меня бронь на неделю.

Голос она тоже узнала. Не низкий, не актёрский, обычный мужской голос, в котором слова звучали чуть определённее, чем требовала фраза.

— Добрый. Мы вас ждём.

— Вы предупреждали о шторме?

— Нет. Он предупредил о себе сам.

Он посмотрел на окно за её плечом. Стекло дрожало, но держалось.

— Тогда всё в порядке.

На стойке рядом с его паспортом легла тонкая записная книжка в потёртом чёрном переплёте. Варвара увидела её и почти улыбнулась. Не торжество, не страх — узнавание привычки оказалось неожиданно интимным. Он и тогда привёз бумажную. Она помнила её по старой фотографии в одном из интервью.

Варвара заполнила регистрационную форму, назвала стоимость, приняла оплату. Он не попросил скидку и не стал расспрашивать, почему в отеле так тихо. Только когда она взяла латунный ключ с номером 41, он коснулся пальцем края стойки.

— Здесь было другое дерево.

— Дуб. Пришлось заменить после прошлой зимы.

— Понятно.

Она подождала, что он вспомнит. Может быть, цвет стен, лестницу, Павла, который встречал его в прошлый приезд. Но он смотрел на неё с вежливым вниманием человека, готового к небольшой неожиданности, а не к старому знакомству.

— Вы не помните меня, — сказала она.

Его взгляд задержался на её лице уже иначе. Не дольше, чем полагалось бы при обычной регистрации, но достаточно, чтобы она поняла: он действительно ищет в памяти.

— Мы встречались?

— Не настолько, чтобы вы могли это заметить.

Он принял это без улыбки.

— Такое бывает.

— С вами, думаю, чаще.

Наступила пауза. За спиной Варвары капала вода из крана в маленькой кухне для персонала. Она забыла подтянуть вентиль, и теперь эта мелочь казалась ей невыносимо громкой.

— Я вас не узнаю, — сказал он наконец. — Но, судя по вашему тону, должен был бы.

— Три года назад вы написали о нас под именем О. В. Север.

Его пальцы сошли с края стойки.

Варвара ожидала возражения, уточнения, профессиональной улыбки. Он молчал несколько секунд, а потом перевёл взгляд на дверь лестницы, будто только теперь соотнёс дом с тем, который остался у него в старом файле.

— «Этаж», — произнёс он.

— Да.

— Тогда я понимаю ваш тон.

Она взяла чистую анкету и положила её между ними. Внизу карточки виднелись пустые кружки. Он прочитал заголовок и поднял бровь.

— Я не планировал ничего заполнять до выезда.

— Я и не прошу.

— Это хорошо, потому что я обычно не меняю этого правила.

— На этой неделе вам придётся его менять.

Он посмотрел на неё настороженно, но не раздражённо.

— Что вы имеете в виду?

Варвара заранее пробовала произнести эту речь про себя. В ней было меньше слов и больше правильной интонации. Сейчас она слышала собственный голос чуть жёстче, чем задумала.

— Обычный номер по обычной цене. Семь ночей. Никаких оценок — ни в анкетах, ни в заметках, ни публично. Ничего личного вы не используете в своих текстах. Не оцениваете нас, себя, еду, сон, разговоры. До конца недели.

— И в чём для меня разница? Я живу здесь неделю и потом пишу всё равно что захочу?

— Личное — нет. Об отеле — мы отдельно договоримся, если к концу недели вам всё ещё будет что сказать.

— А если я скажу «нет»?

— Тогда получите номер на тех же условиях, что любой гость. Никто не заставляет вас играть.

Он обвёл взглядом холл: пустую стойку честного чая, ряд рам на стене, выключенный камин.

— Эксперимент ради реабилитации?

— Нет.

— Проверка?

— Можно считать, что мне любопытно.

— Что именно?

— Сможете ли вы прожить неделю, не зная, на сколько звёзд она тянет.

На этот раз уголок его рта дрогнул. Не совсем улыбка, но уже не только защита.

— Это не самая удобная формулировка гостеприимства.

— Вы приехали за гостеприимством?

Он не ответил сразу. Варвара почувствовала, что попала в нужную точку, и от этого стало не легче, а тревожнее. В правильной мести не должно быть такого физического удовольствия от одного взгляда.

— Я приехал по работе, — сказал он.

— Значит, у вас будет много времени для отдыха.

Он посмотрел на анкету, потом на записную книжку.

— Вы хотите забрать у меня единственную привычку, которая делает меня терпимым в поездках.

— Не забирать. Оставить на хранении. Если согласитесь.

— А если она мне понадобится для дела?

— Для дела — пожалуйста. Только не для нас.

Он рассмеялся коротко, почти неслышно.

— Вы очень точно понимаете, как устроена моя работа.

— Я очень точно понимаю, как устроена ваша подпись. Мы долго жили с её последствиями.

Смешок исчез. Он кивнул, и на этот раз кивок был не профессиональным жестом согласия, а признанием услышанного.

Варвара не стала говорить, сколько именно они жили. Год? Два? Иногда меньше, если вспомнить только те месяцы, когда телефон молчал по другим причинам.

— Хорошо, — сказал Олег. — Семь ночей без оценки.

— И никаких личных историй в материале.

— Это уже не эксперимент, а договор.

— У вас есть право не принимать условия.

Он открыл записную книжку, вырвал из неё один лист — медленно, чтобы не повредить корешок. Положил книжку на стойку, обложкой к себе. На вырванном листе что-то было написано, но она не стала читать.

— Оставьте её у себя, — сказал он. — Телефон мне всё равно никто не отменял.

— Телефон можете оставить.

— Щедро.

Она протянула ему ключ. Он взял его осторожно, и на секунду их пальцы оказались на одном брелоке. Ни один не отдёрнул руку слишком быстро. Это не было прикосновением. Просто металл, который оба держали чуть дольше необходимого.

— Сорок первый, четвёртый этаж, — сказала Варвара. — Лифт работает. Ночной чай в холле до утра. Если батарея шумит, не геройствуйте — позовите меня.

— Вы записываете это как пожелание гостя?

— Как инструкцию по выживанию.

Он поднял чемодан.

— Когда начинается первая ночь?

— Уже началась.

— И что мне положено в ней делать?

Варвара подумала о семи пунктах, которые написала за сорок минут до его прихода. О первом — не задавать вопросов о прошлом. О втором — молчать за завтраком. О последнем, который теперь показался ей самой детской выдумкой.

— Для начала — выспаться, — сказала она.

Он посмотрел на неё так, будто она снова назначила ему оценку, только на этот раз заранее недостижимую.

— Постараюсь.

Когда лифт ушёл наверх, Варвара открыла нижний ящик стойки и достала тонкую тетрадь без обложки. На первой странице она вывела: «Протокол Севера».

Семь ночей. Семь опытов. Ни одной возможности превратить их в чужую победную фразу.

Она поставила номер один рядом с заданием «Не задавать вопросов» и вдруг поняла, что ему не обязательно знать о списке. Он может выполнять правила, не замечая, что это правила.

От этой мысли ей стало спокойно.

Потом она услышала за спиной голос:

— Вы обещали не оценивать меня, но про себя уже составили протокол?

Олег стоял у лестницы, без чемодана, с тем же листом бумаги в руке. Он вернулся так тихо, что она не услышала лифта.

Варвара закрыла тетрадь ладонью.

— Это уже второй вопрос.

— Первый был?

— «Постараюсь» не вопрос.

Он подошёл и положил лист на стойку.

— Я забыл сказать, что у меня бессонница. Так что задание на первую ночь вы только что сделали почти невыполнимым.

— Почти не считается.

— Вот это уже начинает мне нравиться.

Он сказал это без кокетства, скорее с досадой человека, которому не хочется признавать интерес. Затем взял чашку с честной чайной полки, налил кипяток и остановился, увидев тетрадь учёта.

— Это тоже протокол?

— Это чай. Записываете, сколько взяли, чтобы утром мы понимали, почему он кончился.

Он вписал одну чашку и дату.

— Можно задать один вопрос не о прошлом?

— Можно.

— Как вас зовут?

Варвара только сейчас поняла, что не представилась. Весь разговор она провела с человеком, чьё имя было для неё старой занозой, а сама оставалась для него голосом за стойкой.

— Варвара.

— Олег, — сказал он.

— Я знаю.

— Теперь это хотя бы взаимно.

Он поднял чашку и пошёл к лестнице. На этот раз она проводила его взглядом до конца.

На чистой странице «Протокола Севера» Варвара написала его имя, зачеркнула и вместо него вывела: «Гость».

Слово оказалось недостаточным, но она оставила его без оценки.

Глава 2. Гость сдаёт инструмент

Записная книжка осталась внизу.

Олег понял это, уже стоя в номере, с ключом в руке. Сначала он почувствовал не потерю, а облегчение: в кармане пальто стало легче. Потом достал телефон, проверил время и увидел, что положил его экраном вверх. Эта мелочь раздражала сильнее, чем должна была.

Он снял пальто, повесил его на спинку стула и открыл чемодан.

В номере было тепло. Батарея под окном действительно постукивала — не ровным ритмом, а с паузами, будто внутри кто-то переводил дыхание. Кровать стояла слишком близко к стене. Над столом висела высокая лампа с зелёным стеклянным абажуром, отбрасывавшая на потолок круг света. У окна — кресло с потёртыми подлокотниками. На полке — пять книг, подобранных не по цвету: путевые очерки, сборник морских рассказов, старая пьеса, справочник по уходу за деревьями и роман, который он сам когда-то похвалил в газете.

Последнее было почти неприличным совпадением.

Олег открыл штору. За стеклом не было живописной бури. Просто чёрная вода, полоса набережной и дождь, летевший под фонарь косыми струями. Слева темнела крыша соседнего дома, справа — пустая автобусная остановка.

Он поймал себя на том, что уже перечисляет.

Тишина. Окно. Матрас. Свет.

Он одёрнул штору и отошёл.

В чемодане лежали три рубашки, две пары брюк, свитер, носки в отдельном мешке, зарядка, папка с распечатками и маленький диктофон, которым он почти не пользовался. Диктофон он убрал в ящик стола. Не потому, что собирался соблюдать правила, — просто голос Варвары за стойкой слышался слишком отчётливо, и записывать его сразу казалось вульгарным.

Телефон завибрировал.

Жанна писала в мессенджере, без приветствия: «Ты доехал?»

«Да.».

«Как отель?»

Олег посмотрел на зелёную лампу. На анкету, которую Варвара не дала ему, но которая теперь лежала в памяти четырьмя пустыми графами.

«Живой.».

Три точки плясали долго.

«Это уже не рецензия. Это название для сборника.».

Он не ответил.

Жанна была хорошим редактором, но любила, когда материал сам собой складывался в фразу. Три года назад она сказала: «У тебя есть две с половиной страницы наблюдений и одна фраза, которую запомнят. Не хорони её в середине». Фраза стояла в конце — про море. Он не стал спорить. Через неделю её цитировали в чужом обзоре, а через полгода она встретила его на конференции в чужом городе, и кто-то из зала спросил, не он ли тот Север.

Тогда это казалось успехом.

Олег открыл на телефоне старую статью. Ему не нужно было искать ссылку: файл лежал в папке «Отели» с тех пор, как он стал хранить собственные тексты отдельно от редакционных. Он прокрутил до середины.

«Персонал не знает, где заканчивается забота и начинается игра в гостеприимство. В номере пахнет мокрой шерстью. Завтрак серый даже на вид. На вопрос о позднем выезде отвечают так, словно просят личную услугу. И только море работает без выходных — вероятно, потому что его никто не заставлял».

Фраза о море стояла следом: «Здесь даже оно звучит как оправдание».

Он закрыл экран.

В тот приезд он почти не спал. За два дня до поездки бывшая жена прислала ему список книг, которые просила забрать из квартиры до пятницы. Не ссориться, не возвращаться, просто забрать. Он вместо этого сел на поезд к морю: у него был заказ, и это казалось уважительной причиной не разбирать полки. В отеле ему дали номер рядом с технической комнатой. Ночью гудела вентиляция. Утром он попросил другой номер, ему сказали, что свободных нет, и предложили беруши. Беруши он не взял.

В статье всё это превратилось в запах мокрой шерсти и серый завтрак.

Он отложил телефон. В памяти всплыло лицо Павла — высокого мужчины за стойкой, с усталыми глазами и слишком вежливым голосом. Павел показывал ему номер, извинялся за гул, обещал разобраться. Олегу он тогда показался частью системы, которая научилась извиняться вместо того, чтобы работать. Теперь он не мог вспомнить, сказал ли Павел «мой» про отель или «наш».

Варвара сказала «мы».

Он подошёл к письменному столу. На нём не было ни папки с правилами, ни карточки с оценками. Только графин с водой, два стакана и маленькая записка на кремовой бумаге.

«Если захотите чай, внизу до утра. Если не захотите спать, там же есть винил. Проигрыватель работает. Вторая сторона пластинки с Эдит Пиаф — не для гостей. Шучу. Она для всех».

Подписи не было.

Олег повертел записку. Почерк был крупный, с наклоном вправо; буквы не старались быть красивыми. Внизу приписка: «Кран в ванной поворачивайте до щелчка. Иначе будет капать».

Он проверил кран. Тот действительно не был закрыт до конца.

Номер был неидеален. Матрас слишком мягкий для его спины. В ванной не хватало крючка для полотенца. Стены были тонкие: когда Варвара зашла к себе в сорок второй, он услышал, как щёлкнул замок. Он мог бы написать об этом. Мог бы написать, что честнее сделали бы ремонт, чем оставляли записки о кране. Мог бы даже знать, как это назвать.

Он сел на кровать и положил ладони на колени.

Ночью он не спал.

В этом не было ничего драматического. Бессонница приходила к нему годами, как неаккуратный сосед: то забывала на неделю, то оставалась до рассвета и трогала вещи. Он мог работать, мог разговаривать, мог даже выглядеть отдохнувшим. Просто в какой-то момент тело переставало понимать, зачем ему кровать.

Около двух он встал, надел свитер и вышел на площадку.

Лифт стоял на первом этаже. Олег спустился по лестнице, держась за гладкие перила. В холле горела одна настольная лампа возле чайной стойки. За окнами шумело море, и дождь стучал по стеклу с той редкой настойчивостью, которая не успокаивает, а информирует.

На стойке лежала та самая чёрная записная книжка.

Он остановился.

Варвара не убрала её в ящик. Не спрятала в сейф. Не вложила ему в чемодан, чтобы он обнаружил её через неделю. Она оставила её на видном месте, рядом с чайником, как оставляют чужую вещь, которую хозяин может забрать в любой момент.

Рядом лежала чистая анкета. Против графы «сон» стоял прочерк.

Олег налил чай. В тетради учёта было несколько коротких строк: «Т. Гарин — две чашки, 22:10», «Н. Власова — одна, 23:40». Он вписал свою и поставил время.

Потом взял анкету и прочитал:

«Свет. Тишина. Сервис. Сон».

Пять кружков под каждым словом.

Он не собирался заполнять. Это не входило в правила: Варвара сказала «никаких оценок». Даже пять кружков казались теперь неприличными, как отпечаток зубов на чужой чашке.

Он поставил в графе «сон» крошечный прочерк и положил ручку.

В этот момент за спиной щёлкнул замок.

Варвара вышла в коридор в том самом синем свитере, с растрёпанными волосами. Без собрания и ровного голоса она оказалась моложе. На ногах были толстые носки, один наполовину сполз.

— Вода? — спросила она, увидев чашку.

— Чай.

— Ладно.

Она не спросила, почему он не спит. Он ждал этого вопроса и приготовил ответ, который не требовал бы объяснений: шум, поезд, привычка.

— Не люблю, когда гость выходит из номера ночью, — сказала Варвара.

— Из-за безопасности?

— Из-за того, что потом приходится считать, не случилось ли с ним чего-нибудь в моём холле.

Она подошла к чайнику, и стойка оказалась между ними. Её глаза были сонными, а взгляд — нет.

— Вы записали время, — заметила она.
— Так написано в тетради.
— Вы всегда выполняете инструкции?
— Я обычно их пишу.

Варвара налила воду, но чашку не взяла. Стояла, положив ладонь на стойку, и смотрела на анкету.

Он понял, что она видит прочерк.

— Это не оценка, — сказал он.

— Я вижу.

— Просто чтобы не оставлять пустоту.

— Пустота тоже бывает честной.

Он не нашёл ответа. За окном волна ударила в стену набережной, звук дошёл до холла через раму, низкий и глухой.

— Вы не сказали, что приедете, — проговорила Варвара.

— Я и не знал, что должен.

— Не должны.

Она взяла чашку и сделала глоток, поморщившись от горячего.

В свете лампы её лицо утратило резкость, которую он запомнил за стойкой. Под глазами лежали тени, на пальцах было чернильное пятно. Он вдруг подумал, что она сейчас скажет что-то важное, если дать ей время, и поэтому молчал.

— Ваша статья, — начала Варвара.

— Я помню её.

— Нет. Вы помните фразу.

— И фразу тоже.

— После неё у нас отменились брони на полгода. И ещё одна — через год, когда кто-то в отзыве пересказал её почти дословно. Мы тогда влезли в ремонт. Павел хотел продать. Я не хотела. Он ушёл.

Она говорила без пафоса, как перечисляют испорченные продукты: хлеб, молоко, статья. Олегу стало хуже, чем если бы она кричала.

— Я не знал, что всё зашло так далеко.

— Знали, что зайдёт. Вы же не первый раз пишете.

— Я не считал последствия по месяцам.

— А я жила в них по месяцам.

Он поставил чашку. Керамика слишком громко стукнула о блюдце.

— Я не стану просить прощения ночью.

— Я и не прошу.

— А чего вы просите?

Варвара посмотрела в окно.

— Завтрак в восемь. Вам не обязательно приходить.

— Обязательно, если я плачу за номер?

— Нет.

— Тогда почему вы говорите мне время?

Она снова повернулась к нему. На этот раз в её улыбке не было ни вызова, ни вежливости.

— Потому что я хочу, чтобы вы пришли.

Олег почувствовал, как разговор стал слишком точным. Уйти сейчас было бы легко и вполне по-мужски. Он мог бы сказать «Спокойной ночи» и через минуту лежать в номере, глядя в потолок и придумывая из этого короткую сцену для будущего текста.

Он услышал собственный голос:

— В восемь.

Варвара кивнула и первой пошла к лестнице. На второй ступеньке обернулась.

— И ещё. Не надо приносить записную книжку на завтрак.

— Она у вас.

— Именно.

Он вернулся к стойке и забрал чашку.

На анкете, поверх его прочерка, Варвара успела поставить маленькую галочку. Не в кружке, а рядом, на свободном поле. Без числа.

Олег поднялся в номер и лёг на слишком мягкий матрас. Батарея стучала через неравные промежутки. Он попробовал придумать первую фразу для старой статьи — ту, с которой начинается возвращение.

Ничего не приходило.

Он лежал и слышал, как за стеной закрывается дверь, как включается и выключается вода, как Варвара ходит по своей комнате. Потом звуки прекратились.

Он уже почти заснул, когда телефон осветил потолок. Жанна прислала новое сообщение.

«Ты уже понял, что напишешь?»

Олег посмотрел на него, не отвечая.

Впервые за несколько лет отсутствие готовой фразы не казалось пустотой. Оно было похоже на комнату, в которую ещё никого не впустили.

Глава 3. Завтрак без слов

В половине восьмого Варвара поставила на стол две чашки и убрала третью.

Неля наблюдала за этим от кофемашины, не произнося ни слова. В обычное утро она бы уже спросила, почему стол накрыт в дальнем углу, у окна, а не на общей веранде. Сегодня только передвинула вазу с ветками так, чтобы она не загораживала Варвару от двери.

— Он сказал, что придёт, — проговорила Варвара.

— Ты сказала, что он придёт.

— Это разные вещи?

— Обычно да.

В восемь Олега не было. В пять минут девятого тоже. Варвара налила себе воды и заставила себя не смотреть на часы. На десятой минуте из кухни вышел Тихон с корзиной хлеба. Он поставил её на буфет, взглянул на пустой стул и аккуратно поправил салфетку.

— Свежий ещё горячий, — сказал он.

— Пусть стоит.

— Я не о хлебе.

Она посмотрела на него. Тихон поднял обе руки, сдаваясь, и ушёл.

Олег появился в двенадцать минут девятого.

Он был в тёмной рубашке, выбрит, и от него пахло холодной водой. Под глазами залегли тени, но держался он собранно. В руке у него не было записной книжки. Варвара поймала себя на удовольствии, которое ей не хотелось показывать.

— Проспал, — сказал он.

— Вы не спали.

— Я лежал с закрытыми глазами.

— Это считается?

— Я надеялся, что вы не спросите.

Он сел напротив. Между ними лежала льняная дорожка, две тарелки, чашки и маленькая карточка, которую Варвара поставила в центре.

Олег прочитал вслух:

— «Одно наблюдение, без оценки».

— Это задание на завтрак.

— Я думал, мы уже начали вчера.

— Вчера мы начали с разговора. Сегодня — с еды.

Он посмотрел на карточку ещё раз.

— А говорить можно?

— Можно. Но по одному наблюдению. В конце.

— Не в процессе?

— В процессе нельзя оценивать.

— А если хлеб плохой?

— Тогда вы заметите это после.

— И скажете?

Варвара налила ему чай.

— Если захотите.

Он взял чашку. Впервые за два дня она увидела его руки без перчатки: длинные пальцы, тонкий шрам на костяшке, коротко остриженные ногти. Руки человека, который много печатает и мало держит тяжести.

— Хорошо, — сказал он. — Я попробую.

Завтрак начался в тишине.

Варвара не думала, что молчание окажется таким громким. Было слышно, как на кухне Тихон режет что-то ножом, как часы над стойкой перебирают минуты, как за окном дождь стучит по железному карнизу. Олег взял ломоть хлеба, отломил край, положил в рот. Жевал медленно, глядя не на тарелку, а в окно.

Она поймала себя на том, что следит за ним, и сразу отвернулась.

— Ваш свитер, — сказал Олег.

Варвара подняла бровь.

— Это наблюдение. До конца завтрака нельзя.

— Договорились.

Он улыбнулся в чашку.

Она отломила кусок сыра, но есть не хотелось. Ночь прошла без сна, и тело теперь мстило за это лёгкой дурнотой. Варвара заставила себя съесть половину омлета. На кухне Тихон включил радио, и из динамика донёсся тихий голос диктора: ветер, волнение моря, к обеду возможен дождь.

— Первое, — сказал Олег, когда его тарелка опустела. — Вы держите чашку за ручку, хотя едите левой рукой.

Варвара посмотрела на свою руку.

— И что?

— Наблюдение, не оценка.

— Вы сказали «первое». Оно должно быть одно.

— Я решил, что чашка не считается.

Она хотела возразить, но вместо этого рассмеялась. Сама не ожидала. Смех вышел коротким, почти беззвучным, но в пустом зале от него всё равно стало теплее.

— Второе, — добавил он. — У вас на левом запястье чернильное пятно. Оно уже вчера было. Вы пишете от руки.

— Тоже не оценка?
— Факт.
— Вы уверены, что умеете их отличать?
— В отношении себя — не всегда.

Фраза повисла между ними. Олег не отвёл взгляда. Варвара почувствовала, что если сейчас снова начнёт шутить, он позволит ей это сделать. И от этого предложения уклониться было труднее, чем от вопроса.

— Моё наблюдение, — сказала она. — Вы дважды проверили, закрыта ли входная дверь. Не когда вошли. После.

Он посмотрел в сторону холла.

— Я не помню.

— Значит, это привычка.

— Вероятно.

— Вам не обязательно отвечать.

— Я не отвечаю. Я просто думаю.

Он отодвинул тарелку. На его лице было выражение человека, который обнаружил у себя в кармане чужой ключ и не знает, когда успел его взять.

Варвара поняла, что ещё немного — и она спросит, что случилось у него с дверями. Поэтому встала и забрала чашки.

— Завтрак закончен, — сказала она.

— Уже?

— У вас была половина часа. Вы продержались.

Он взглянул на часы и, кажется, только сейчас заметил, что они просидели почти сорок минут.

— А если бы я не продержался?

— Не знаю. У нас нет системы штрафов.

— А система прощения есть?

Варвара остановилась с чашками в руках.

— Вы сейчас об отзыве?

— О завтраке.

— Тогда прощения не требуется.

Она унесла посуду на кухню. Тихон мыл противни и сделал вид, что ничего не слышал. Варвара поставила чашки в раковину, открыла воду и держала руки под горячей струёй чуть дольше необходимого.

Когда она вернулась, Олег стоял у стены с пустыми рамами.

Их было двенадцать. В некоторых уже висели фотографии: вид на маяк, чьи-то кроссовки на мокром асфальте, снимок кота на подоконнике. В трёх рамах оставались только белые листы с надписью «Свободно».

— Что это? — спросил он.

— Гостям разрешено оставить что-нибудь, что нельзя оценить. Фотографию, билет, записку. Без имени и цены.

— Нельзя оценить или нельзя предъявить?

Варвара подошла ближе.

— Что вы имеете в виду?

— Всё можно оценить. Даже пустую раму. Вопрос в том, зачем её выставляют.

Она посмотрела на его профиль. Свет от окна ложился на его щёку, оставляя глаза в тени.

— Вы очень быстро возвращаетесь к работе.

— Я никуда из неё не уходил.

— Я заметила.

Он повернулся к ней.

— Если это должен быть эксперимент, объясните правило до конца. Я живу здесь. Я не обещаю не думать.

— Думайте.

— А писать?

— В конце недели.

— Почему в конце?

— Потому что сейчас вы ещё смотрите на нас, как приехавший на проверку.

— А после недели?

— Посмотрим, кем вы будете смотреть.

Из её кабинета донёсся телефонный звонок. Не тот звук, что у стойки, а резкий внутренний звонок, который она поставила для одного номера. Варвара не сразу двинулась с места.

— Вам нужно ответить, — сказал Олег.

— Да.

Она пошла к кабинету, чувствуя, что оставляет его в холле не одного, а с собственной фразой.

Звонил Павел.

— Доброе утро, — сказал он. — Ты не отвечала вчера.

— Был гость.

— Понимаю.

В его голосе не было иронии. Это было хуже.

— Варя, у нас неделя. Им нужен ответ к следующему понедельнику. Не тебе. Мне. Могу тянуть, но тогда они могут передумать.

— Я думала, у нас неделя.

— У тебя неделя была в письме. У меня — срок. Я тебе об этом говорил.

Она села на край стола. За дверью Олег рассматривал рамы.

— Они согласятся оставить название? — спросила Варвара.

— Нет. Хочешь сохранить «Этаж» — выкупай мою долю сама.

— Ты знаешь, сколько у меня на счету.

— Знаю. Поэтому и звоню.

Варвара закрыла глаза. В голове почему-то было лицо Олега, который спрашивал, что будет после недели. Лёгко задавать такие вопросы, когда за тобой нет ни одного ежемесячного платежа.

— Я привезу документы в среду, — сказал Павел. — Не для подписи. Чтобы ты видела все цифры.

— Спасибо.

— Не благодари. Я не хочу, чтобы ты потом думала, что я тебя уговорил.

Он отключился.

Варвара посидела ещё минуту, глядя на экран. Потом открыла нижний ящик стола и достала «Протокол Севера».

Семь строк. Она перечитала их все сразу, как читают список покупок после долгого дня. «Молчание». «Не задавать вопросов». «Не решать за другого». «Остановиться». «Не быть хозяйкой». «Сказать правду». «Выйти без оценки».

Слова были слишком аккуратными для того, что она собиралась сделать.

Она хотела, чтобы Олег прожил неделю без собственного голоса и почувствовал, каково это — быть местом, о котором кто-то составляет мнение. Пока он завтракал напротив и замечал, как она держит чашку, это желание уже не казалось таким чистым. Но она не собиралась его отменять.

Выйдя в холл, Варвара услышала голос Нели.

— Вы плохо выглядите, Олег.

— Спасибо.

— Это не оценка. Это забота.

— В чём разница?

— В том, что после оценки вы уйдёте, а после заботы, может быть, нет.

Варвара остановилась у входа.

Неля стояла за стойкой, а Олег — напротив. На его лице читалось то же настороженное любопытство, что и утром, но теперь в нём появилось что-то ещё. Он смотрел на её старшую администратора как человек, который вдруг понял, что о нём знают больше, чем он сообщил в брони.

— Неля, — позвала Варвара.

— Я здесь.

— Мне нужен журнал закупок.

Она соврала без усилия. Неля поняла это сразу, но не подала вида.

— В кабинете.

Когда Олег ушёл к лестнице, Неля подошла к Варваре вплотную.

— Это он.

Варвара не стала спрашивать, кто.

— Не начинай.

— Я и не начинаю. Я говорю один раз. Если ты проводишь с ним семь ночей, чтобы доказать ему что-то, то в конце у тебя будет не месть, а человек, которому ты сделала больно.

— Может быть, он заслужил.

— Может быть. Но заслуженное люди всё равно не прощают автоматически.

— Я не прошу у тебя разрешения.

— И не надо. Всего прошу — потом не говорить, что я молчала.

Варвара посмотрела на лестницу. Олег уже поднялся на второй этаж. Его шаги не были тяжёлыми, но она всё равно их слышала.

— Через шесть дней он напишет о нас.

— Или не напишет.

— Именно.

Неля взяла тряпку и провела по стойке.

— Завтрак закончился без криков?

— Без слов.

— Это гораздо хуже.

Варвара не ответила. Она открыла тетрадь заказов и несколько секунд смотрела на пустую строку. Рядом лежал список продуктов, составленный на неделю, когда в отеле должно было быть четыре постояльца. Сейчас их было двое.

После обеда дождь перестал.

Олег появился в холле в пальто.

— Мне нужно выйти, — сказал он.

Варвара подняла голову.

— В город?

— К морю.

— Оно за углом.

— Я заметил.

Он остановился у двери.

— Это считается нарушением? Я ухожу без задания.

— У нас нет ежедневных заданий до вечера.

— А если мне придёт в голову написать текст?

— Тогда вы придёте и скажете мне.

— Не лучше ли просто не писать?

— Нет. Лучше знать, когда правило нарушено, чем делать это втихую.

Он посмотрел на неё с неожиданной серьёзностью.

— Вы говорите так, будто я уже нарушил.

— Вы ещё нет.

— Но вы ждёте.

— Я не жду. Я проверяю.

— Разве это не одно и то же?

Варвара хотела ответить резко. Вместо этого увидела на его руке капли воды, которые ещё не успели высохнуть, хотя он стоял внутри уже несколько минут. Он вышел из номера с мокрой рукой. Значит, прежде чем идти к двери, он закрыл кран в ванной до щелчка.

— Идите, — сказала она. — К вечеру вернитесь.

Он вышел.

На минуту холл стал слишком большим. Варвара поймала себя на желании подойти к окну и посмотреть, куда он повернёт: к набережной или к городу. Прислушалась к шагам на крыльце. Потом села за стойку и открыла банковское письмо.

Она читала цифры, но видела перед собой пять пустых кружков в анкете и маленькую галочку, которую сама поставила рядом с прочерком.

Наверху, в сорок первом, на кровати лежала его записная книжка. Варвара знала, что она осталась там. Олегу не нужно было возвращаться за ней, чтобы забрать.

Возможно, он оставил её специально.

Или просто впервые за долгое время решил выйти на улицу с пустыми руками.

Глава 4. Час без вопросов

Сообщение пришло, когда Олег уже спускался к воде.

«Час без вопросов. Набережная, южный волнорез, в семь. Если придёте раньше, начинайте без меня».

Он остановился на середине каменной лестницы.

Не было ни объяснения, ни угрозы, ни шутки. Варвара писала так, словно назначала деловую встречу с подрядчиком. Олег посмотрел на время. До семи оставалось двадцать минут. Он как раз успевал дойти до южного волнореза, постоять у воды и решить, что именно она собирается проверять.

Вопросов у него было много.

Он спрятал телефон в карман и пошёл дальше.

Море в ноябре не выглядело красивым в том смысле, в каком об этом пишут в рекламных буклетах. Оно было тяжёлым и неопрятным, как мокрое одеяло, брошенное на берег. Волны били в бетонные плиты, откатывались, тащили гальку. Ветер пах солью и водорослями. На набережной работала одна кофейня, остальные окна были закрыты ставнями.

Олег дошёл до южного волнореза в шесть пятьдесят восемь. Варвара уже стояла там.

На ней было длинное серое пальто, которого он раньше не видел, и вязаная шапка, из-под которой выбились медные волосы. Руки она держала в карманах. Смотрела в сторону горизонта, а не на него.

— Вы пришли, — сказала она.

— Вы дали точное время.

— Это не ответ на вопрос.

— Вопросов нет. Мы договорились.

Она повернулась. Ветер бросил ей на лицо прядь, и Варвара убрала её быстрым движением, не стараясь быть красивой.

— Начинается сейчас, — сказала она. — Час без вопросов. Вы можете говорить, замечать, молчать. Не можете спрашивать.

— А вы?

— Я тоже.

— И что мы будем делать?

— Пойдём.

— Куда?

Она посмотрела на него с выражением, которое он не смог прочитать.

— Это был вопрос.

— Чёрт.

Она улыбнулась и пошла первой.

Олег догнал её через несколько шагов.

Они двинулись вдоль набережной, в сторону старого порта. Варвара не комментировала город. Не показывала, где раньше ловили рыбу, где открылся первый ресторан, где стоял дом, смытый штормом. Она просто шла рядом.

Молчание давило.

Олег привык заполнять паузы наблюдениями. «Ставни в кофейне выкрашены в два разных оттенка». «На третьей урне сорвана крышка». «У неё левый ботинок промок». Он ловил себя на этих фразах и не произносил их. Без выхода наружу наблюдения накапливались в голове и мешали смотреть.

— Вы сейчас составляете список, — сказала Варвара.

— А вы?

— Я думаю, что вы составляете список.

Он рассмеялся. Ветер унёс смех в сторону моря.

— Это было наблюдение, не вопрос, — добавила она.

— Я заметил.

— Вы никогда не перестаёте замечать?

— Пытаюсь.

— Плохо получается.

— Я знаю.

Они шли ещё несколько минут. У старого порта из воды торчали сваи, похожие на сломанные рёбра. Дальше начиналась мастерская Тихона — низкое здание из серого кирпича с широкими воротами. В окне горел свет. Варвара замедлила шаг.

— Мы не будем заходить, — сказала она.

Олег посмотрел на неё.

— У вас замёрзли руки.

— Наблюдение?

— Констатация.

— Тоже вопрос?

— Нет.

Она вытащила одну руку из кармана, посмотрела на красные пальцы и снова спрятала.

— Ладно, — сказала она. — Зайдём на минуту.

В мастерской пахло клеем, стружкой и супом. Тихон стоял у верстака, разбирая деревянную раму. На стенах висели эскизы декораций, старые афиши, куски цветного стекла. В углу работала маленькая печь.

— Быстро вы, — сказал Тихон.

— Мы не останемся, — ответила Варвара.

— Я и не предлагал.

Он поставил перед ними две кружки с чаем, не спрашивая. Олег взял свою. Пальцы благодарно обожгло.

— Мужчина с вами? — спросил Тихон у Варвары.

— Гость.

— Понятно.

Он сказал это без всякого подтекста, но Олегу показалось, что за словом «гость» здесь оставляют слишком много свободного места.

— Это ваша мастерская? — спросил Олег.

— Моя и не моя. Раньше здесь был театральный склад. Потом всё развалилось, крыша протекла, я выкупил стены. Теперь делаю мебель и иногда помогаю Варе с рамами.

Олег обвёл взглядом афиши. На одной, выцветшей до почти неразборчивого оранжевого, крупными буквами стояло название пьесы и фамилия режиссёра. Он подошёл ближе и прочитал: «В. Орлова».

— Это ваша мать?

Варвара обернулась.

— Это я.

Он посмотрел на афишу, потом на неё. Среди фамилий в углу стояла и её: «Постановка — В. Орлова». Спектакль шёл в местном театре.

— Вам было сколько?

— Двадцать семь. Это был последний спектакль. Мама тогда уже болела. Я думала, что успею вернуться. Что это пауза.

— И?

— Вы задали второй вопрос.

Он прикусил язык.

Тихон снял с полки жестяную коробку, открыл её и достал фотографии. На одной был театр: красные кресла, сцена, множество людей. На другой Варвара стояла в чёрной футболке с папкой в руках, смотрела не в камеру, а в сторону. Снимок был сделан как бы случайно, но в композиции чувствовалась чужая точность.

— Это она ставила, — сказал Тихон. — Три месяца репетиций. Я декорации делал. «Женщина, которая ждала». Текст старый, но она его перебрала так, что половина зала полезла за платками.

— Вы были хорошим режиссёром? — спросил Олег и сразу понял, что нарушил правило.

Варвара не ответила. Тихон сделал громкий глоток чая.

Правило не отменялось оттого, что вопрос сорвался случайно. Олег почувствовал это сильнее, чем ожидал. Он мог бы извиниться, но и извинение становится пустым, если говорить его как замену ответу.

— Я спрашиваю не для материала, — сказал он.

— Это не вопрос, — заметила Варвара.

— Нет.

— Хорошо.

Она подошла к афише, поправила отстающий угол. Под ногтем осталась пыль.

— Я не знаю, была ли хорошим режиссёром. У меня не было времени на проверку. Мама умерла через год. Павел сказал: или театр, или отель. Отель был её. Я осталась.

— А Павел?

— А Павел хотел, чтобы отель стал чем-то, что можно увеличить. Не обязательно место. Он был не против дома. Он был против того, что дом нельзя размножить.

Тихон отвернулся к печи.

Олегу захотелось записать её фразу про дом. Он уже прикидывал, как она может звучать в тексте: «Он был не против дома. Он был против того, что дом нельзя размножить». В этом было слишком много его собственного голоса. Если написать так, получится его наблюдение, а не её.

Он поставил кружку.

— Я хочу кое-что сказать, — произнёс он. — Не как вопрос.

Варвара кивнула.

— Вы сказали, что я написал вашу фразу, и все повторяют её. Я тогда думал, что сделал хорошую работу. Фразу про море я даже не считал главной. Она вырвалась. Я не проверял её на людях.

— И меня не видели.

— Вы не встречали меня. Павел встречал.

— Я читала.

— Я знаю.

Он не стал говорить, что жалеет. Слово «жалею» теперь легко приклеилось бы к его раскаянию и испортило его, как мокрая этикетка.

— Вам, наверное, важно, что я признаю: статья была несправедливой, — сказал Олег. — Особенно после того, как вы узнали меня. Это удобное раскаяние.

Варвара смотрела на него внимательно. У неё не было победного вида, и это было хуже.

— Мне не важно, что вы признаёте, — ответила она. — Мне важно, что вы будете делать.

— Что вы хотите, чтобы я сделал?

— Опять вопрос.

— Чёрт.

Тихон рассмеялся в печь.

Олег поставил кружку. Ему вдруг стало смешно от собственной основательности. Он приехал оценивать место, а оказался в мастерской, где его учат молчать, как ребёнка.

— Хорошо, — сказал он. — Больше не буду.

Варвара подхватила свою кружку и вышла из мастерской. Олег последовал за ней.

Дождь кончился. Небо над морем стало почти белым, как бумага, которую держали слишком долго против света.

— Скажите что-нибудь, — попросила она.

— Что?

— Что угодно. Без вопроса.

Он думал недолго.

— Когда вы поправили угол афиши, у вас было такое лицо, будто вы всё ещё ставите спектакль и ещё не знаете, выйдут ли актёры на сцену.

Варвара отвернулась к морю.

— Я просила не оценивать.

— Это не оценка.

— Да?

— Это наблюдение.

Она не сразу ответила.

— Оно хуже.

— Почему?

— Потому что оценку можно оспорить.

Они стояли у перил. Волны снова били в камни, и брызги долетали до ботинок. Олег смотрел не на воду, а на её руки. Варвара перестала прятать их в карманы и теперь держалась за холодный металл.

— Час закончился? — спросил он.
— Почти. У вас осталось четыре минуты.
— Тогда у меня есть четыре минуты, чтобы задать вопрос.
— Нет. Вы имеете право на один вопрос после, не считая тех, что уже задали.

— Сколько их было?

— Семь, если считать «что угодно».

— Дорого.

— Мы ещё не договорились о цене.

Он улыбнулся. Варвара нет.

— Задавайте, — сказала она.

Олег посмотрел на воду, затем на неё.

— Вы пригласили меня сюда, чтобы показать, что у отеля есть живая история?

— Нет.

— Тогда зачем?

— Это второй.

— Я спрашиваю один.

— Вы уже задали первый: зачем.

Она улыбнулась. В этот раз улыбка дошла до глаз, и Олег почувствовал, как собственные слова ненадолго становятся ненужными.

— Я пригласила вас сюда, потому что мне не хотелось сидеть в отеле и ждать, когда вы снова начнёте смотреть на нас через окно.

— Мы всё ещё внутри.

— Сейчас — нет.

Он хотел сказать, что на набережной она тоже не перестаёт следить за рамами, чашками и людьми. Но это была бы его привычка, а не её.

— Хорошо, — сказал он. — Один вопрос.

— Один.

— Когда вы перестали ставить?

Варвара отпустила перила.

— Когда мне исполнилось двадцать восемь, — сказала она.

Ветер вырвал у неё из-под шапки ещё одну прядь. На этот раз она её не убрала.

— Это не совсем ответ на вопрос.

— Это ответ на ваш.

Они пошли обратно. До отеля было недалеко, но дорога казалась длиннее, чем путь к морю. Варвара не ускоряла шаг. Олег не пытался заполнить молчание.

В холле Тихон, который вернулся раньше них, уже ставил на стойку тарелку с горячим супом. Он посмотрел на Варвару, потом на Олега, но ничего не сказал.

— Спасибо за мастерскую, — поблагодарил Олег.

— Не за мастерскую.

Варвара сняла пальто. Под ним был тот же свитер, что утром. Олегу вдруг стало важно, что он помнит это: синий, с растянутым воротом, с маленькой зацепкой на рукаве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.